

Чудесная нить

Курган — 1988.

**КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»**

1

**Научно-методическая секция по пропаганде художественной
культуры и эстетического воспитания**

Курганский государственный педагогический институт

В. П. ФЕДОРОВА

ЧУДЕСНАЯ НИТЬ

**(ОПЫТ ПРОПАГАНДЫ НАРОДНОГО ДЕКОРАТИВНО-
ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА — КОВРОТКАЧЕСТВО,
ВЫШИВКА — В ЗАУРАЛЬЕ)**

Рецензенты: Б. В. ВЛАДИМИРОВ, директор Курганского художественного музея;

А. Д. ЛЬВОВ, член Союза художников СССР

Федорова Валентина Павловна, кандидат филологических наук, доцент КГПИ.

В брошюре впервые предпринята попытка рассказать о месте ряда форм традиционного народного декоративно-прикладного искусства ковроткачества, вышивки в обрядности Зауралья конца XIX—30-х гг. XX в. освещается опыт пропаганды их как памятников старинной народной культуры края.

Ответственный за выпуск: референт Правления областной организации общества «Знание» В. М. КОСТРОВ.

СЛОВО К ЛЕКТОРУ

От высоко взлетевшего древнего конька на гребне крыши до последней, ушедшей в землю ступеньки крылечка, от ритмичного частотокола до дверцы погреба должен быть собран материал по изучению крестьянского многовекового жилища.

В. С. ВОРОНОВ.

Эта задача, поставленная в 1924 году известным исследователем крестьянского искусства В. С. Вороновым, и сегодня является важной, во многом перешенной. Что касается Зауралья, то здесь работы непочатый край. Правда, надо отметить, что по старинному декоративно-прикладному искусству Зауралья собран значительный материал. Он представлен коллекциями областного краеведческого музея, музея народного творчества Курганского пединститута, школьными музеями и частными собраниями. Выставки декоративно-прикладного искусства привлекают внимание как зауральцев, так и гостей края.

У нас есть чем гордиться. Другое дело, что мало пропагандируем, мало изучаем богатое наследие прошлого, которое многими формами оказалось очень современным, живым и пыле.

Предмет нашей лекции — ковроткачество и вышивка конца XIX—30-х гг. XX в. Богатство крестьянского искусства края так многообразно, что рамки лекции приходится ограничивать, сосредоточив внимание на явлениях, наиболее характерных для Зауралья. Эта же причина не позволяет рассмотреть зауральские ковроткачество и вышивку в сравнительном плане с аналогичными формами декоративно-прикладного искусства других регионов. Для лекторов, работающих по теме народного искусства, могут представлять интерес такие развитые в Зауралье формы, как вышивка поясов и валенок, женской одежды и головных уборов, изготовление поясов, лент для свадебного ритуала, вязание панольных круговин и т. д.

Прежде чем поведем конкретный разговор о старинном декоративно-прикладном искусстве в системе обрядности Заура-

ля, дадим определение данному виду искусства. Вот как оно представляется словарем по эстетике: это «вид искусства (близкий к изобразительному), произведения которого представляют собой предметы, обладающие определенными художественно-эстетическими свойствами, но в то же время имеющие непосредственное практическое назначение в быту, труде или специально предназначенные для украшения жилищ, архи-

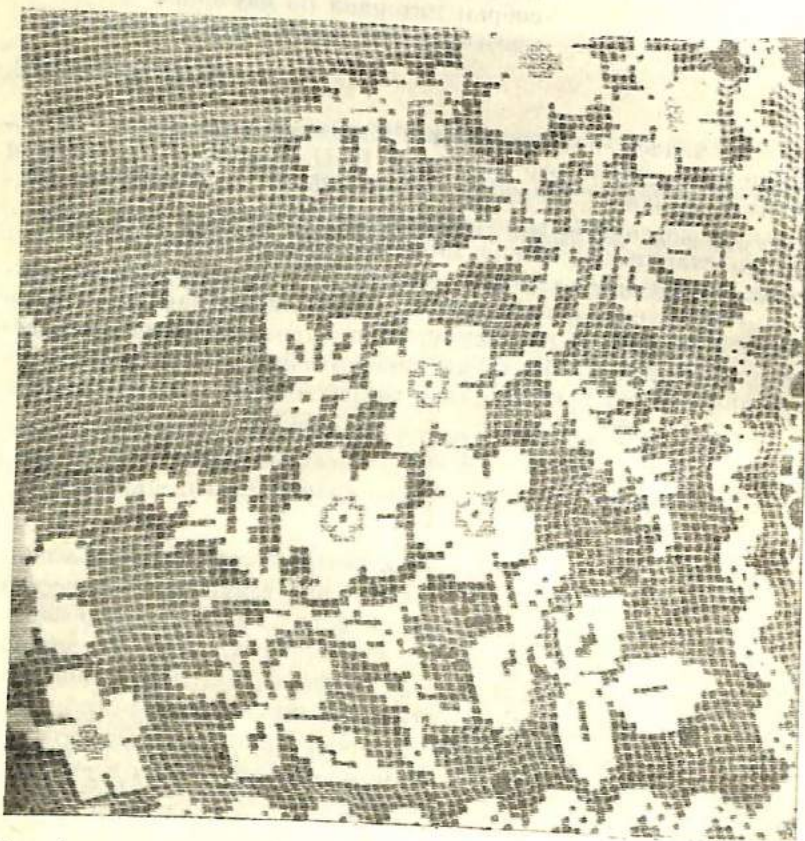

Рис. 1

Венок, филейная вышивка, скатерть.
Мишкинский р-н.
Начало XX в.
Фото С. САХНО

Рис. 2

Розаи, филейная вышивка, скатерть
Юргамышский р-н
Конец XIX в.
Фото С. САХНО

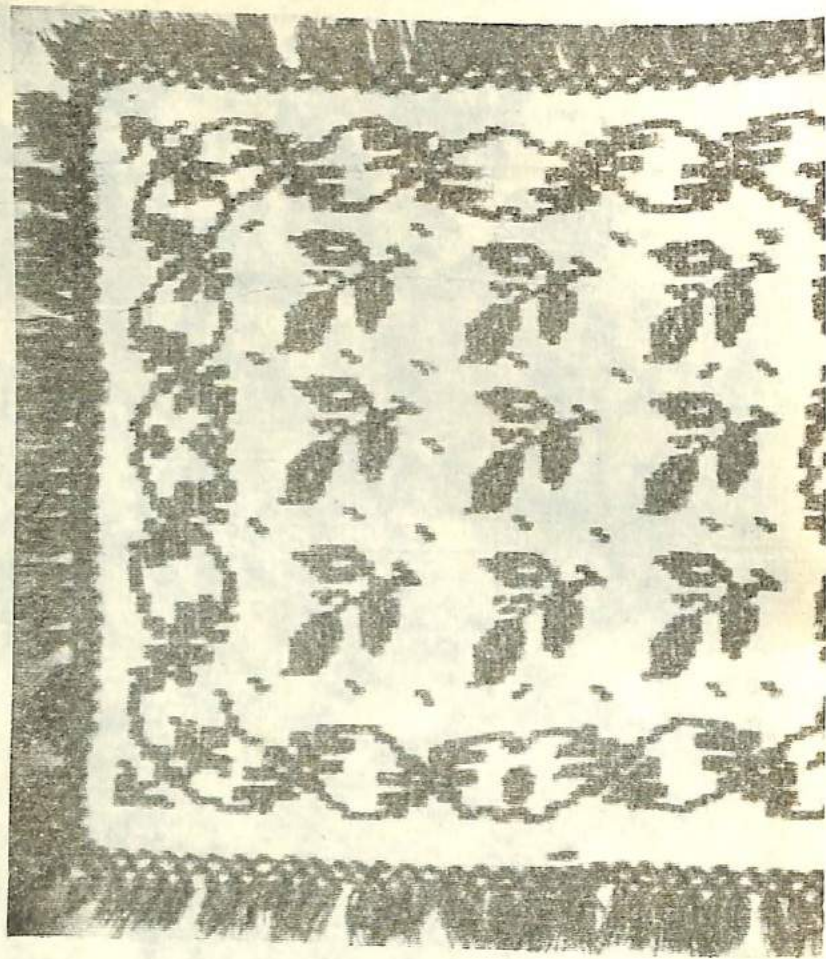

Рис. 3

Ягодник, филейная вышивка, накидка.
Начало XX в.
Фото С. САХНО

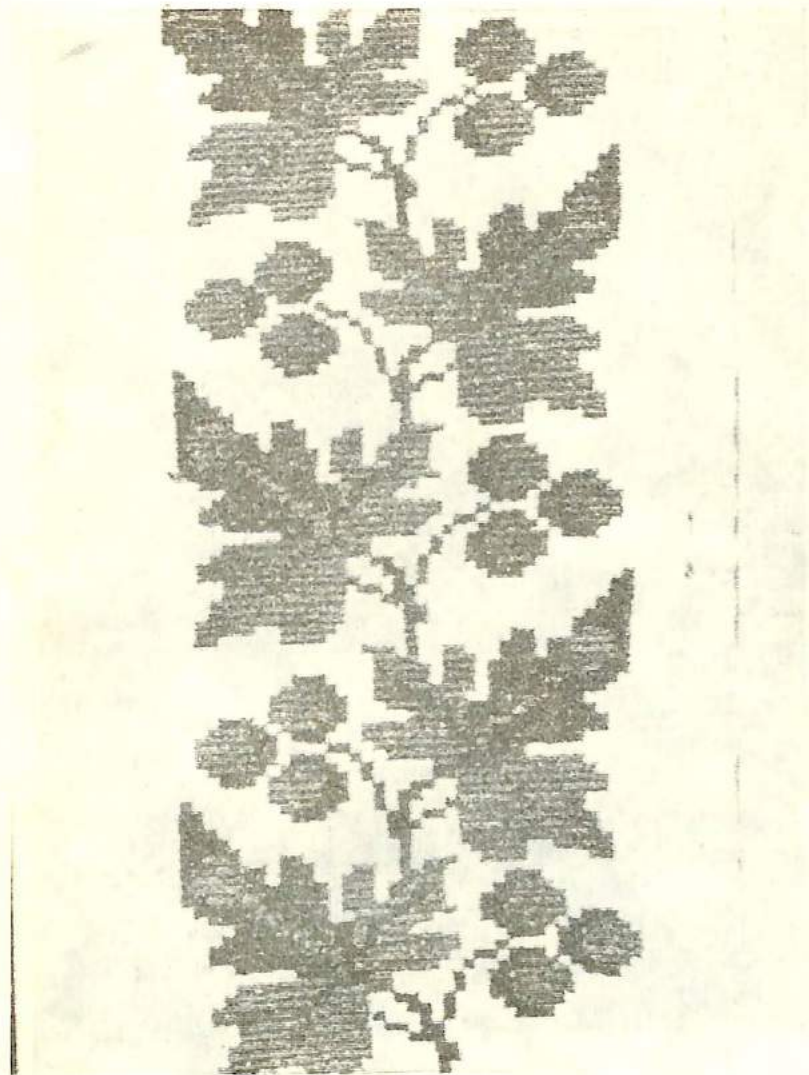

Рис. 4

Рябинка, полотенце
Шумиха.
Начало XX в.
Фото С. САХНО

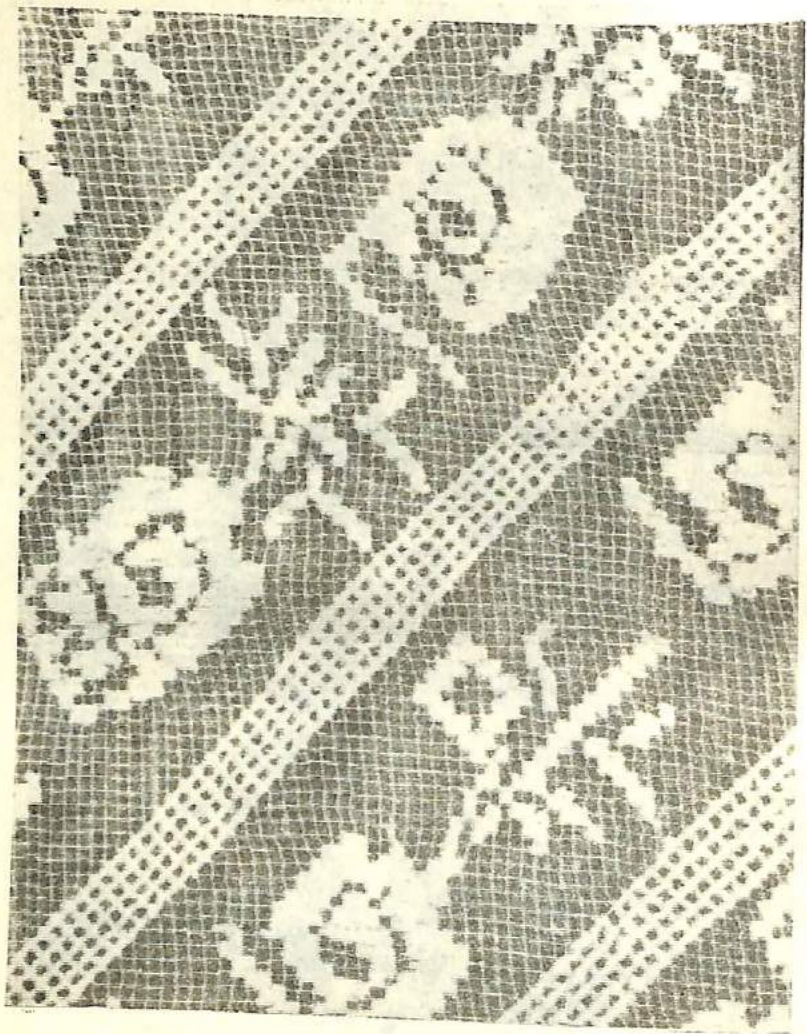

Рис. 5

Растительно-геометрический орнамент,
филиейная вышивка, скатерть.
Мишкинский р-н. 30-е годы XX в.
Фото С. САХНО

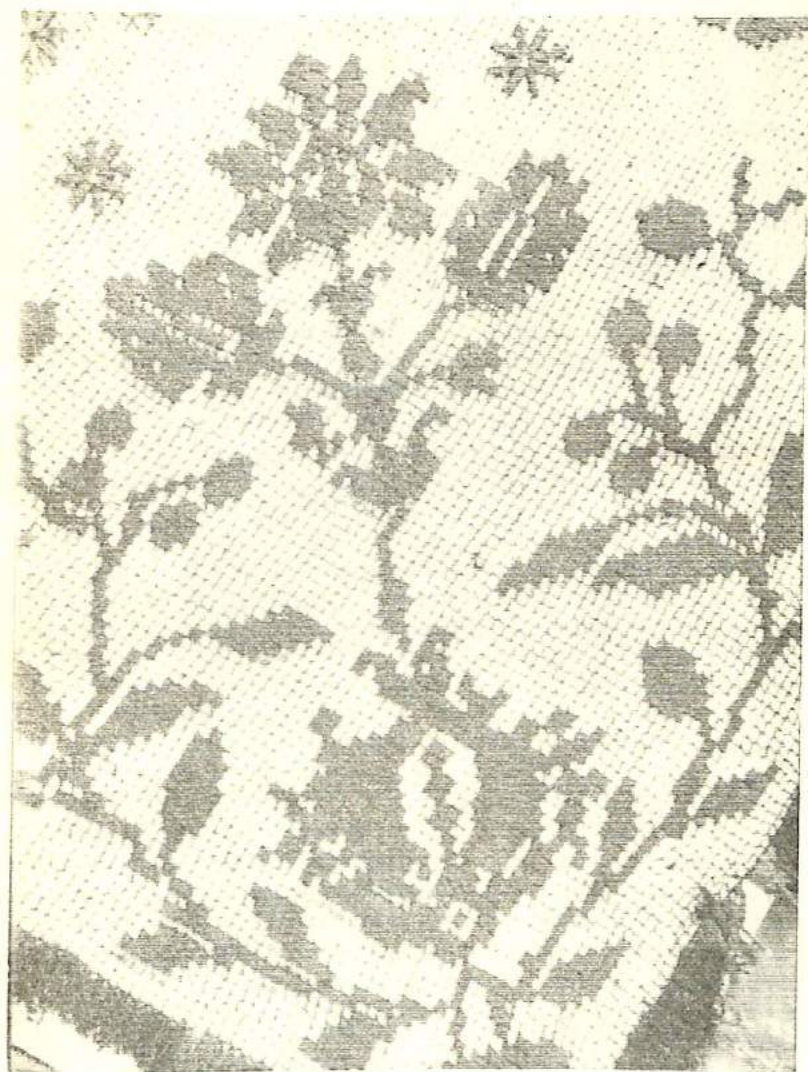

Рис. 6

Розан. филиейная вышивка, скатерть.
Лебяжьевацкий р-н.
Конец XIX в.
Фото С. САХНО

тектурных сооружений улиц, площадей, парков.¹ Произведения декоративно-прикладного искусства соединяют функции практического назначения и эстетического освоения мира. В крестьянском доме праздничные предметы не признавались. Очевидно, идет это от народного понимания жизни, бессмысленной без труда.

Декоративно-прикладное искусство, вырастая из быта, в свою очередь становится бытом, сохраняя эстетические начала, эстетическое отношение к действительности. Оно открывает возможности изучать народное миропонимание и народную психологию. Знакомство с народным искусством вводит нас в историю края. Сейчас заметен живой интерес к прошлому, старинным народным обычаям и обрядам, к разным видам старинного народного творчества. Наш день стремится рассмотреть в старине важное для себя, современное, закрепить нити, связывающие прошлое и настоящее. Без знания прошлого не увидеть будущее.

Декоративно-прикладное искусство становится более понятным, когда его рассматриваем в тесной связи с бытом, обрядами, обычаями. В Зауралье прочность старинной традиции декоративно-прикладного искусства объясняется во многом достаточной устойчивостью быта. Конечно поближе к городам жизнь менялась круче, а подальше от них — медленнее. Но воспоминаниям сторожилов Белозерского, Шатровского, Целинного районов, коренные стиги в быту начались в конце 20-х — 30-е годы. И все-таки революционные вихри выдымали Зауралье, круто поворачивая его. От старого мира и здесь оторвались резко. Даже в старообрядческих селах создавались коммуны. В своих домах старообрядцы держали специальную посуду и специальную лавочку для «мировых», а обедать или в только что организованные столовые. Пожилые, моргучи, ели приготовленное чужими руками. Дома замалчивали этот грех, перекидывая бобочки лестовок. А молодые радывались возможности побывать на людях, перекинуться словом, обменяться улыбкой и взглядом.

Рушился старый мир. Однако зауральские села, вместе с тем, стремились сохранить некоторые обычаи, заветы, которые когда еще дедов-прадедов на свете не было. Молодежь активно сохраняла посиделки. Как и встарь, девчата паровили соби-

раться зимними вечерами вместе. В назначенную избу бежали они, только снег «скрип-скрип, скрип-скрип». У кого в узелках, у кого за пазухой работа — лен, шерсть, конопля, веретеники. А кто и прилицу захватит. Работать начинали, как с разбега. Веретеники «визжи-ик, визжи-ик!» Материл урок надо сделать. Не управилшься — завтра мать не отпустит, за безручье по головке не погладит, так и будешь куковать в своей избе. А одной ли работа — не в работу. В компании-то хорошо: вроде как друг дружку подгоняешь. А одна и есть одна: сиди, как нень. Да и парней со счета не сбросишь. Вон заливаются:

Милые девчочки,
Пустите на вечерочки,
А не пустите вы нас,
Да пообидимся на вас!

Озорно в ответ подноют в избе девчочочки:

Приходите, дрелечки,
Отобьем печеночки.

Парни пригрозят, мол, уйдем в другую компанию:

За рекой вечерочки,
Двадцать две девчочочки.

А им наперекор из избы:

У нас трое, ничего,
Сидим тоже весело.

Только гости за порог, а хозяйки предупреждают:

Прсходите, госнода,
Пол не проломите-ка,
У нас в подполе котята,
Вы не задавите-ка.

В долгу «госнода» не останутся:

Девчонки, я вас
Не хвалю, не хаю,
Юбочки на вас
Шире малахаю.

Перебраниваются, а орехами, семечками угощают. У девчат язык свое, а руки свое. Известно: «Жених во двор, так и пальцы на стол». А женихи все видят, хотя дузгают се-

1. Краткий словарь по эстетике.—М., 1964.—с. 73.

мечки, подшучивают, ноги в сапогах как бы пешароком на показ выставляют, портянками выхваляются.

В Зауралье славились невесты расторопные. Были даже приметы, по которым выбиралась будущая хозяйка. Так, в с. Усть-Уйском еще перед Великой Отечественной войной бытовала старинная примета: если у девушки во время еды серьги ходуню ходят, будет она работающей. Если серьги не кольшатся, то от девушки лучше отступить, на ходу будет спать, а следовательно, подмогой в хозяйстве от нее не жди. Конечно, девушки хорошо знали приметы и выучивались триести серьгами. К чести казачек надо сказать, что были и чисто-плотными, и расторопными. Примета изжила себя, оставшись в воспоминаниях сторожилов, но уважение к золотым рукам не приглушилось, не исчез интерес к мастерству. В последние годы, как уже отмечалось, он возрос. Мы хотим знать Зауралье, знать народные традиции, народный опыт. Это знание имеет и практические задачи, ведь традиции выверяются многими поколениями, вбирая опыт многих веков.

Что же было наиболее характерным в декоративно-прикладном искусстве Зауралья? Не преувеличим, если скажем: «Ковроткачество».

Ковроткачество

Традиции ковроткачества в крае настолько сильны, художественно-технические навыки так высоки, что позволили современным мастерам выйти на международную арену.

Дадим следующую справку. Научно-исследовательский институт художественной промышленности СССР официально сообщил на Канашинский комбинат, что в 1987 году канашинский ковер «экспонировался и получил заслуженное одобрение специалистов и посетителей» на выставках в Индии, Турции, Испании, Канаде, Чехословакии, Югославии, Кубе и т. д.

Ковроткачество многообразно: ковер, дорожка, наеундучник, назалавочник и т. д. Тканые вещи не только защищали дом от холода, но и украшали его. В редком доме не стояли красна. На них еще и сейчас работают в Шатровском, Частозерском и других районах. Из новой шерстяной нити создавались подлинные произведения искусства. Расцветала изба, когда на пол расстлались одна к другой дорожки. Один масте-

рицы выкладывали узор «теними», соблюдая переход от туслого тона к светлому. Других привлекала продуманная пестрота ярких поперечных полос. Третьи выбирали узор зубчатого солнца. Мерно повторялся рисунок на одноцветье фона. Нельзя сказать, что типы узора чрезвычайно разнообразны. Нет. Но в рамках привычного декора мастерицы творили, создавая неповторимые произведения искусства.

На стене, чаще всего у кровати, красовался ковер. О нем особый разговор. Заслуживает он того удивительным своеобразием. Отличает его как декор, так и колорит: в центре черного поля пламенеет розан — букет цветов. В уголки ковра брошено по небольшому букету — в тон основному букету. По краям ковра идет одноцветная отбивка: красная, зеленая, белая. Все стройно, четко. При устойчивости ведущего черного тона поражают разнообразие формы розана, его цветовой гаммы.

Зададим вопрос: почему Зауралье остановило свой выбор на черном цвете фона ковра? Ответ надо искать в самой жизни, быте края, в принципе соответствия декоративно-прикладного искусства укладу жизни. Мы уже отмечали, что произведения этого вида искусства вырастают из быта, становясь явлением быта, сохраняя вместе с тем эстетические начала. Жизнь ковра долгая. Его ткали не на одно десятилетие. Отсюда требование практичности. При наших длинных зимах, когда печь топили каждый день, когда лучина коптила рано начинавшимся вечерами, ковер и должен быть таким, чтобы не поддаваться ни копоти, ни саже, ни чистке на снегу. Учтем также то обстоятельство, что в Зауралье любовались ковром в основном зимой. Летом на него взглянуть было некогда: земли и скота много, работы невпроворот, вдобавок грибы и ягоды. А зимой день короток, свету в избе не так уж много. На белой при неярком свете стене выделиться мог контрастный цвет. Черный в этом отношении оказывался идеальным. Его-то и выбирали в качестве «земли» для ковра. Декор тоже не случаен, а определен функциональным назначением ковра. Надо иметь в виду, что ковер входил в свадебное приданое. В сложном комплексе свадебного обряда ковер выполнял различные функции. Он свидетельствовал о мастерстве невесты, ее вкусе, материальном достатке. Кроме того, предполагалось, что через приданое, в том числе и через ковер, невеста выскажет свое отношение к

женху. В этом плане декоративно-прикладное искусство перекликается со свадебной лирикой. Цветы — символы любви, чистоты. Их образ наполняет песни, к ним обратились, естественно, мастерицы-ткачихи. Таким образом, розан ковра — опозитизация женху, чувства любви, брака, как и в песне, только материализованная. В Зауралье широко бытовала песня «Розан, мой розан». Приведем ее в варианте, который знают в с. Мехонском Шатровского района. Напела ее Деринова Елизавета Тимофеевна — одна из сторожилок села:

Розан мой, розан, виноград зеленый,
Кто у нас хороший, кто у нас пригожий?
Мишенька хороший, Иван пригожий,
Розан мой, розан, виноград зеленый,
По горенке ходит, каблук не ломает,
Розан мой, розан, виноград зеленый,
Сапожки козлевы, чулочки скворцовы
Розан мой, розан, виноград зеленый...

Далее песня рассказывает о добром коне и наряде женху, об удивлении всего села: «Пригож уродился». Женху несут песни птички. Только такого молодца можно за стол посадить и невестой подарить: «Розан мой, розан, виноград зеленый».

Ковер и песня в искусстве русской свадьбы слиты водно, как две грани единого народного творчества, яркого и цельного. Современный достаток, новые формы труда, быта, досуга сузило ковроткачество. Однако, традиция его жива.

Вышивка

Вышивка наносилась на полотенца, подзоры, скатерти, покрывала, мужскую и женскую одежду, головные уборы, накидушки и т. д. На памяти самых глубоких стариков вышивка воспринималась уже как украшение. Древнее ее значение оберега к концу XIX века забыто, но по традиции соблюдались основные изображения, идущие из глубины веков: солнце, треугольник, ромб, квадрат, кони, петухи, волнистые линии, дерево, женская фигура, стрелы и т. д. Вышивка наносилась на ткань и на сеточку.

В крае в большей мере была в ходу ткань домашнего изготовления: лен, конопля. По древней общерусской традиции лен

считался женской культурой. От посева до вышивки обрабатывали его женщины. Отметим, что в ряде сел Зауралья долго сохранялись древние формы работы с льном. Естественна в этих условиях устойчивость старинных узоров ткани, вышивки, даже покроя платья.

Нам неслучайно удалось записать воспоминания о посеве льна в селах по реке Третьяк Белозерского района. Рассказывали сельчанки льна из с. Першино (М. Д. Зуева, Е. Р. Ватчина) об обычаях посева льна. Обычай уходит в глубь веков, но ему следовали и в 50-е годы нашего века. Может быть, он и долго бы жил, да перевели на нет саму культуру. Итак, послушаем рассказ повелителей обычая: У нас много льна засевали. На все он шел, за что ни хватнись. Полотенца, скатерти, портики, постоее — все льняное. Юбки-то надеешь, как шубу. Тепло. Сеяли и после войны. А как перевели лен, думали: «Ой-ей, как жить будем? А сейчас и не поминаем вовсе... Едут селить бабы и девки. Когда сеяли, раздевались догола. Паги-то по полю и идем. Вместе с семенами по полю яйца разбрасывали. Винцо с собой брали. Отеемя, на конец поля винцо выльют, яйца с собой брали. Отеемя, на конец поля винцо выльют, бабы по глотку примут. Девки не вышивали. Яйца соберем — и домой. Едем, яйца думали и едим». В Шатровском районе (села по Прюму) то же со льном разбрасывали яйца. Рассказчицы не знают древнего значения вина как номинального блюда, связанного с культом предков. Но по-старинке обряд вели, как завещено дедами-прадедами. Не знают они и символики яйца как животворной силы. Но до них бросали с семенами яйца с целью получить урожай, и они не отказывались от этого. Вот только паготу воспринимают осмысленно, хотя и не совсем верно. Пагота в древнем понимании — сила, увеличивающая плодородие. Наши собеседницы объясняют прощ: «Чтобы лен уродился. Не уродится лен, что делать? Вроде как просили землю и небо: «Мол паги мы, надо, чтобы уродился».

Вот так же неукоснительно следуя традиции, выкладывался древний узор тканей, из которых шилось свадебное приданое, пашальные паквашеники. Сложный старинный декор объясняется мастерицами просто как форма: «Для красоты».

Лен в Зауралье ткали достаточно узкий — см. 45—50. Конечно, не без исключений. Шел лен и на экспорт. В середине XIX века мастерицы-ткачихи с. Барно Шатровского района

были удостоены Царской грамоты за качество льна. Вышивка в крае — черно-красный крест. Есть образцы красного шитья крестом, а также белое — по белой сеточке (перевити). Преобладают следующие узоры: ягодка (клубника с листьями), цветочный орнамент, рябишка (веточка рябины), коки (крылатые или обыкновенные). Излюбленный орнамент птицы: петухи, диковинные птицы и самые обыкновенные, обращенные друг к другу и зеркально похожие. Есть вышивка, именуемая в быту «с мороза». На ткань наносился узор с покрытого инеем окна. Изображались также церкви, но это поздний декор. В духе старинной традиции вышивались женская фигура и дерево.

Мы не ставим задачу рассмотреть содержание всех образов старинной вышивки. Это предмет особой лекции.

Конечно, традиция не исключала бытование стельных грезд вышивки гладью (Катайск). Но не они определяли специфику вышивки Зауралья.

Уникальным называют ученые зауральское шитье портянок. Такая мода была: вышивать дrole — любимому — портянки. Если считать года, то вроде как и недавняя мода — к концу того века прикинула. Педавняя, а силу набрала: разошлась почти по всему Зауралью. Одни казачки не вышивали портянок.

Одаривание вышитыми портянками — знак особого сердечного расположения, знак любви, как, скажем, на Южном Урале или в Центральных европейских регионах, у зауральских казаков — кисеты или платочки. Конечно, парни просили у своих матань портянки. Оно и понятно: другие-то красуются, отмеченные знаком любви, а ты что, в поле обсевок? Получив портянки, счастливишки наматывали их, оставляя вышитый край, чтобы напукать на сапог. В народной этике считалось позорным сказать, кто одарил портянками, хотя и козе была ясной эта тайна.

Этнограф А. А. Лебедева, изучая быт, культуру Западной Сибири, обратила внимание на обычай одаривания портянками в Зауралье, отмечая его как явление местное, замкнутое, не известное в других местах.¹ Однако, не можем согласить-

¹ Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде сторожиков Сибири. (Советская этнография, 1977, № 3.—с.111).

ся с ее утверждением, что мода эта «была недолгой и уже к началу XX века прошла, хотя память о ней среди крестьян-сторожиков сохранилась до наших дней».² Мода на портянки была достаточно стойкой. Во многих селах Шатровского района она еще во время Великой Отечественной войны активно бытовала. Сопьемся на свидетелей, ли не просто свидетелей, а посетителей обычая. Рассказывает Иван Прокопьевич Шурагин, зам. начальника Шатровского уезда связи:

— Я помню, как носили ребята портянки, у нас в Кудском. Я их и сам нашивал. Девчонки одарили. Признаюсь, была молодцу не в укор, не одна даривала тайком.

— Ой, Иван Прокопьевич, жениху-то сколько было? Что-то для военного жениха вы молоды. Простите мои сомнения.

— А жених я был военной поры. Как раз и было 14—15 лет к концу ее.

Сидевшая рядом Агриппина Ивановна Арефьева (1925 год рождения) тут же отозвалась частушкой:

Ох, война, война, война,
Да как же нам тебя забыть?
Война заставила девчончек
Тридцатый год любить.

Вздохнули, помолчали, а Агриппина Ивановна добавила:

Девочки, война, война,
Девочки, победа.
Девочки, кого любить,
Осталось три деда?

Эти частушки не раз записывали в Зауралье.

После войны портянки уже не дарили. Кому дарить? На какие сапоги их напукать? Где леи? Где гарус? Вот то-то и оно.

Искали мы в разных местах Зауралья хотя бы как-нибудь клочки былых украшений на сапоги. Увы-увы. Толи память мужская оказалась короче воробьиного носа, толи сказа-

² Лебедева А. А. Мужская одежда русского населения Западной Сибири (Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири—М., 1974.—с.218).

лось общее отношение к народной культуре, господствовавшее недавно. Выбрасывались сундуки — «Не в городскую же квартиру их тащить!» Не береглось и то, что лежало в сундуках. Помню, как остолбенели участницы фольклорной экспедиции, когда увидели в с. Прорыве загородочку для цыплят, укрытую белой филейной скатертью. Это филейкой-то! Ее хоть бы и на стол, так не сменило. Но у бабушки марли не было, а филейка оказалась как раз подходящей заменой. Если филейки не берегли, что говорить о портянках. Остались о них воспоминания. По воспоминаниям к областному празднику природы в 1980 г.) для участников концерта из Целинного района были вышиты портянки. Так что, хотя и в сценическом варианте, все-таки можно было видеть проявление былого обычая.

Широко распространенный обычай одаривания любимых портянками не случайно вошел в частушки. Одни из них рассказывали о характере вышивки:

Сербиянка шьет портянки,
Вышива(е)т букетами,
Я бы эту сербиянку
Закормил конфетами.

Другие частушки корят неумеху-грубиянку (сэперницу):

Грубьянка шьет портянки
В огороде, в лебеде,
Интересные портянки:
Из аршина вышло две.

В частушках можно предупредить на предмет «Зачем же так рано влюбляться, зачем же так рано любить?»:

• Ой, подружка, что ты дела(е)шь?
Пойду матери скажу.
Не портянки ли готовишь
На семнадцатом году?

Цикл частушек поведал о быте и о том, как порой нехитрылись девушки, чтобы сделать милому подарок:

Рассуседки-бабоньки
Пасказали мамоньке,
Пасказали на меня,
Что портянки шила я.

1. Сербиянка — любимая.

Мамонька поверила
Пошла холсты проверила.
— Не зарезана труба,
Не виновата дочь моя.

— Ох, не зарезана труба,
Не виновата дочь моя.
А я дема не посмеда,
Пошла в людях заняла.

А что делать? Не нами сказано, а до нас: «Для милого дружка и сербика из ушка!»

Одна из частушек о настойчивости боля, его жеманности имеет подтекст:

Охотони, бывали боля,
Нани да Егоровы.
Боля просит на портянки
Шторы коленкоровы.

Шторы не шторы, а лен приходилось на портянки вискать, чтобы было всем видно, что эта невеста не гусей пасла, а веретенем трясла.

Что было приметой края, так это филейки. Филейки — вышивка по плетеной сеточке. Сеточка плетется так же, как рыболовецкая сеть. В руках у мастериц тоже дощечка и крючок. Начинают плести сеточку с угелка и ведут по диагонали, поэтому ячейки держатся, не растягиваются. Когда сеточка готова, ее натягивают плотно на пяль и выкладывают рисунок.

О широком бытовании филеек в прошлом свидетельствует то, что до наших дней дошло их множество. Значительные коллекции в Курганском областном краеведческом музее, в музее народного творчества нашего пединститута. Загляните в сундуки зауральских старожилов, зайдите в дома их, увидите филейки.

Вышивались филейки, как правило, к свадьбе в качестве составной части приданого. Нет филеек, нечего и думать о замужестве. Об этом и частушка предупреждает:

2. Труба — рулон холста, льна. Зарезать трубу — отрезать от рулона.

Ты не сватайся, болинка,
Тропочки заказаны.
У меня, мой дорогой,
Филесочки не связаны.

Разнообразно применение филейной вышивки: покрывала, накидушки на мантийки, на подушки, спинки кроватей, наугольники, подзоры. Но чаще всего — скатерти. Эти скатерти так и называются «филейки». По свидетельству старожилов Прорыва и Озерного Куртамышского района, Звериноголовского и Обрядовки Притобольного района, Галишова Кетовского района, невесте положено было иметь по крайней мере три скатерти. Без них невеста — не невеста. Но конечно, если филеек больше: столько, чтобы «они лежали периной». Привезенные в составе приданого невесты, скатерти расстилались на специальном столе да так, чтобы видны были все, одна выглядывала из-под другой. А. А. Лебедева обратила внимание на обычай, в котором сохранились воспоминания по южному и юго-восточному Зауралью: использование скатертей в естиянии с женихом. На «княжий» стол подавались «перемены»¹, а со стола убиралась в счет им скатерти. «Со смедай блюдени-малась и очередная скатерть...»²

Скажем, подают жареную утку — с невестиного стола одну филейку долой. Подали пельмени — вторую сняли. Дымится лапша — третью. Словом, мечи, все что есть в печи, все из погреба грибы, капусту, огурцы, костянку, вишню, клюкву, бруснику, ставь квасы, кисели. Да мало ли у добрых хозяев чего принашено к свадьбе.

Невесте было почетно, если скатертей оказывалось больше, чем «перемей».

Бытовое назначение филеек определял цвет. На каждый день предназначалась красно-черная скатерть. Но черной бумажной «земле»-сетке выкладывался рисунок красного гаруса. Реже использовался синий, оранжевый, вишневый, зеленый, розовый гарус. Иногда зелень выкладывалась по зелени.

1. Перемены — блюда.

2. Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиции свадебного обряда.: с. 109.

Более парадными были скатерти «теями» — гарус пансился по убыванию интенсивности цвета. Например, от светло-желтого до густо-зеленого или от бледно-розового до темно-вишневого. Будничная скатерть несложным приемом переводилась в праздничную. Например, по синему цвету бросались малиновые цветы. И скатерть расцветала, украшая дом по воскресным дням и не очень значительным праздникам. В самые торжественные дни из сундуков вынимались белые филейки: на белой престоной сетке выстилалась белая хлопчатобумажная вышивка. Спервичали с ними скатерти многоцветные. Есть такая скатерть у нас в музее. Привезли ее из Петуховского района. Смотреть на нее — радость глазу, сердцу. Удивительная гармония композиции, мажорность многоцветья создает праздничное настроение. Филейка не женщина, можно и возрадет назвать: не менее 100 лет. Годы большие, а цветет. Особенно хорошо сохранились природные, естественные краски. Оттенивали цветы шикмы — красивый желто-табачный цвет. Кожура свеклы дает яркий свекольный цвет, а кожура лука — оранжево-коричневый. Подлинула химическая краска — голубой, синий, цвет фуксии, который в Зауралье зовется кукушном.

Цвет филеек — не случайная прихоть мастериц. Он определен тем, что филейки входили в приданое. Красный цвет идет из глубины веков как оберегающий. Он связан с солнцем. А из солнца воспринималось в языческих даях — как один из главных богов. Нарядить в красное — значило отдать под защиту бога. Рождение семьи — дело серьезное. От благополучия ее зависит будущее. Поэтому здесь-то и широко вводится красный цвет: вышивки, полотенце в переднем углу, лента через плечо у дружки, сарафан невесты. Вспомним у П. Цыганова:

Ты не шей мне, матушка,
Красный сарафан.
Не входи, родимая,
Испугу в изъяз.
Рано мою кобыньку
На две расплетать...

Конечно, давно забыто мастерицами это значение красного. Но к нему обращались по традиции: «До нас

так велось, не нам отменять». Кроме того, с красным цветом связывалась чистота невесты и любовное пылание. Вспомним:

Я люблю, когда пылает,
Я люблю, когда горит,
Я люблю, когда болика
О любви гворит.

Оттенок красного — алый — так сросся с изображением любовного чувства, что стал синонимом любви, любимого. Знарок русской речи В. И. Даль в своем словаре приводит такие варианты «алуши» как дружка¹. И в частушках о милым поэте, как о цветочке аленьком:

Мне сказали про милого,
Что худой да маленький.
Посмотрела в воскресенье —
Как цветочек аленький.

Частушки не скуны на розовый цвет, когда поется о любви, любимой. Розовая рубанка, кофта, лента — приметы милых сердцу:

Мама, ставь самовар,
Голубые чашки,
Ко мне дробечка идет
В розовой рубанке.

Вон идут, подружка, двое,
Первый твой, а второй мой,
Твой-от в розовой рубанке,
Мой, наверис, в голубой.

Готова приданое, невеста, подружки цветом вышивки раскрывали свой идеал жизни, брака по любви. Цветущая мать — земля входила в народную поэзию как символ чистоты, вечности, наполняя поэтический мир яркостью, мажорностью. Голубой, синий, зеленый, белый цвета наполняют как филейки, так и частушки:

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1.—М.1955.—С. 12.

На скошке два цветочка:
Голубой да синенький,
Про любовь никто не знает,
Только я да миленький.

Я тогда тебя забуду,
Дорогая ты моя,
Когда вырастет на камушке
Зеленая трава.

Преобладает растительный, в основном, цветочный орнамент. Что видел глаз, то воплощала рука. То ветвь сосны с шишками, то веточка рябины, то розы, то васильки, то ягодник. Накидушки на маленький круглый столик выкладывали чаще «ягодником» — листьями клубники. Конечно, доля условности есть, однако цветы прорисованы довольно четко и легко угадываются. Один из самых редких, уникальных для филеек орнамент — крылатые кони, кони-оберёги. Их, вероятно, перенесли с полотенец.

Преобладают два типа цветочного орнамента. В первом по всей кайме вьется веночек. В углах скатерти — внутри венка — помещаются скромные букеты, которые не заслоняют его красоту. Середина заполняется в четком порядке условно изображенными лепестками или семенами.

Другой тип — броский, крупный, яркий орнамент. Из углов к середине скатерти устремляются пышные цветы, под тяжестью которых прогибается стебель. Пышные резные листья удерживают его в равновесии, середина остается почти не заполненной. Кое-где брошены семена.

При всей неповторимости рисунка отдельных произведений названные типы орнамента все-таки устойчивы.

Мастерицы, выкладывая узор, никогда не копировали слепо полюбившийся образец, не повиновались традиции — изображать цветы — символ любви, счастья, радости. Они как напев любимой песни, частушки, были в памяти, сердце. Под песню и выкладывался узор:

Сама садик я садила,
Сама буду поливать,
Сама милого любила,
Сама буду забывать.

Я с окошка на окошко
Розу переставила,
Вот какого дорогого
Тосковать заставила.

Милого называли и ягодиночкой. Как не вышить ягодище, если он и без слов говорит о чувстве, если он напоминает о ласковой прищевке:

Ягодиночка на льдиночке,
А я на берегу
Перебрось, милый, тесночку,
К тебе перебегу.

Почему же так прижилась в Зауралье вышивка по плетеной сетке? Причины надо искать в самой жизни. Главная из них — большие наделы земли. Скажем, родился казак, ему определялась земля. В одних селах — 12 десятин, в других — 18. А десятина — то больше гектара. У крестьян земли было больше, чем в Вологодской, Новгородской или Рязанской земле. Скота в крестьянском хозяйстве держали много. Одним мужикам это не под силу. Женщина была матерью, женой да еще впрягалась в одну упряжку с мужем в хозяйствовании на земле. Словом, и в поле, и в доме. Дочь еще в колыбельке, а приданое надо складывать в коробейку. Не оглянешься, уж и приданое на показ всему селу яви. Здесь не до тонкой, деликатной работы коклюшечницы-мастериц. За коклюшками некогда сидеть. А филейки что! Посидел суток двое-трое между делами, и сетка готова. С вышивкой, конечно, поковыряешься, хотя тоже подается быстро.

Нельзя не учитывать, что филейки заменяли нарядные покунные скатерти. Поди-ка, купи их, если везут товары издалека. Может, поближе к Москве, они дешевле, но опять же за то: «За морем телушка-полушка, да перевоз дорог». А так, купишь простые штuki, вся и трата. Гарус свой, многие краски под руками. Только не ленись да на выдумку не скупись. Впрочем, даже и нитки можно накрутить на веретене.

При небольших затратах и несложной работе филейки вносили красоту в дом.

Какова историческая судьба одного из самых знаменитых явлений народного искусства Зауралья — филеек? Их плели и после войны, и в 50-е годы. Потом как-то разом все оборва-

лось. Сейчас заметно некоторое оживление старинной традиции. В Курганском доме учителя работает С. Трушников, знающая секрет мастерства. Учительница школы № 36 Дина Петровна Осипова делится секретами филейной вышивки со своими ученицами. Может быть, возродится это искусство, особенно, если изменить назначение филеек. Пусть будут они не скатертями, а платками, шальями — тем, что сейчас интересно, выгрызно.

Заключение

Обращение к народной традиционной культуре нравственно, свидетельство исторической памяти зрелого общества, уважения к национальным истокам.

Материалы лекции могут быть полезны при подготовке лекций, докладов, бесед о современном декоративно-прикладном искусстве, поэзии и быте зауральцев, по историческому краеведению, а также могут быть использованы экскурсоводами краеведческих музеев.

Рекомендации лекторам: живой интерес вызывает демонстрация произведений декоративно-прикладного искусства. Приобретение их пока вполне доступно, поэтому 3—4 произведения в коллекции лекторов иметь желательно.

ЛИТЕРАТУРА

1. К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС об искусстве. В 2-х т. т. Т. 1. — М., 1967.
2. В. И. Ленин об искусстве. — М., 1967.
3. БЕРЕЗИНА Л. А. и БОЛДЫРЕВА М. Д. Русское ручное ткачество. — М., 1959.
4. ВАСИЛЕНКО В. М., ЖЕГАЛОВА С. К. Русское декоративное искусство. М., 1965.
5. ВОРОНОВ В. С. О крестьянском искусстве. — М., 1972.
6. Краткий словарь по эстетике. — М., 1964.
7. ЛЕБЕДЕВА А. А. Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири.
8. ЛЕВИН Л. М. Художественные ковры СССР. — М., 1975.
9. МОЛЧАНОВ В. С. Народное узорное переборное ткачество. — М., 1966.
10. РАЗИНА Т. М. Русское народное творчество. — М., 1970.
11. ТАЗОВА Н. А. Филейно-гиюрная вышивка. — М., 1983.

Подписано в печать 11.05.88 г.

ОС 00266 Юргамышская типография 3, 1186. Тир. 400 экз.